

ДВУЕДИНСТВО ДИВЕРГЕНЦИИ
И ГОМОГЕНИЗАЦИИ

Мне представляются совершенно бесспорными основные посылки рассуждений В. П. Алексеева о том, что в ходе эволюции человека социальные (и культурные) факторы оттеснили биологические на второй план.

Заслуга автора состоит в том, что он попытался наметить иерархию этих факторов, оценить их относительное значение. Социальный фильтр, по В. П. Алексееву, в любом случае способствует развитию процесса расообразования, в одних случаях воздвигая генетические барьеры и тем самым вызывая дивергенцию, в других — стабилизируя отдельные очаги расообразования, ускоряя гомогенизацию внутри них. Именно эта сторона социального воздействия на расообразование представляется наиболее значимой, тогда как такие в конечном счете тоже социально-культурные явления, как изменение радиоактивного фона в отдельных районах и соответствующее мутагенное влияние, вряд ли имеют реальное расообразовательное значение в силу рано или поздно наступающей элиминации большинства этих мутаций (можно говорить разве что о приспособительном отборе на наименьшую подверженность им). Таким образом, интерес с точки зрения расовой антропологии вызывают по преимуществу те факторы, которые влияют на популяционную структуру человечества. В этом смысле очень удачна заключительная фраза автора, что «именно популяционная структура образует тот подвижный материальный каркас, в пределах которого нежестко фиксирована биологическая, в том числе и расовая изменчивость».

Сказано прекрасно, но обратите внимание: каркас есть, однако он подвижный; изменчивость фиксирована, но нежестко. В этих противоречивых определениях, на мой взгляд, вся диалектически противоречивая сущность рассматриваемой проблемы.

В. П. Алексеев усматривает значительное сходство между популяцией и расой и, на наш взгляд, оправданно. Естественно, что есть популяции, которые еще не расы; но нет локальной расы, которая не была бы в той или иной мере привязана к определенной группе популяций. В то же время, действительно, расообразование у человека всецело аллопатрическое, симпатрических примеров нет. Кстати, упоминаемые В. П. Алексеевым японские социально-расовые типы также связаны по происхождению с разными элементами в этногенезе японцев. Из этого следует, что популяционные границы проходят преимущественно в географическом, а не в социальном пространстве, хотя детерминируются они, прежде всего, социально. Исключение составляют те общества, в которых имеются кастовые и расовые перегородки. Генный поток в таких случаях идет в социальном пространстве преимущественно «сверху вниз»: так, расовый облик негров в ряде стран Америки существенно изменился в результате контактов с «белым» населением, последнее же такого изменения не претерпело, ибо большинство мулатов в конечном счете отбрасывалось в негритянскую среду. В странах с кастовым строем, как в Индии, ситуация была во многом аналогична. Но можно думать, что в исторически довольно близком будущем генетические, попу-

* Дискуссия по статье В. П. Алексеева будет продолжена в следующем номере журнала.

ляционные перегородки в социальном пространстве должны исчезнуть, тогда как в географическом пространстве они сохранятся.

Именно примат социально-культурных факторов в расообразовании человека ответствен, с одной стороны, за то, что различия в облике разных рас очень велики. Диапазон их существенно превышает обычный диапазон внутривидовых различий между расами и разновидностями большинства диких видов животных и скорее сопоставим с тем масштабом различий, который характерен для отдельных пород окультуренных, домашних видов животных. Но этот же примат социальных факторов ответствен, с другой стороны, и за то, что за многие десятки тысяч лет эти отличия не перешли в видовые, что человечество осталось биологически единым. Социальные факторы расообразования, с одной стороны, создают возможность для быстрой дивергенции, с другой — именно по своей социальной природе они подвержены быстрым переменам, сдвигам; границы дивергенции сегодня проходят не там, где вчера, а там, где вчера происходила дивергенция, начинается гомогенизация, и наоборот.

Остается коснуться еще футурологических аспектов проблемы. В обозримом будущем границы государств, очевидно, будут очерчивать достаточно определенные и отделенные друг от друга очаги гомогенизации. Новые этносы и этнополитические общности, несомненно, имеют тенденцию стать и популяционными общностями. И даже если сотрутся в некотором, достаточно далеком будущем, государственные границы, то все равно надо, на наш взгляд, решительно поддержать критику В. П. Алексеевым концепций, распространенных в научно-фантастической литературе (более фантастической, нежели научной), о том, что земляне будущего будут все на одно лицо и говорить будут на одном языке. Конечно, какой-то единый язык мирового общения должен образоваться, и довольно скоро, так же как по существу уже образовалась единая мировая система городской материальной культуры и норм поведения, отнюдь, впрочем, не исключающая сосуществоющего с ней повсюду многообразия локальных вариантов и особенностей. Когда-то Томас Мор, исходя из экономических возможностей современной ему Европы, считал, что в социалистическом обществе все должны будут носить одинаковую, притом весьма грубую одежду. К счастью, жизнь показала, как он ошибался. Теперь нынешние фантасты повторяют ту же ошибку в отношении языка. Между тем мы видим, как множатся примеры обществ, где двуязычие и многоязычие становится отнюдь не переходным этапом к одноязычию на базе нового языка, а постоянной нормой, и разные языки выполняют те функции, которые в других случаях принадлежат разным стилистическим уровням одного языка (Парагвай, Люксембург — лишь наиболее яркие примеры). Но можно ли подумать, что помимо изолирующей роли расстояний, которая сохраняется при любом развитии транспорта, наличие общего локального языка бытового общения, локальных черт культуры, обусловленных хотя бы климатическими различиями, не влияло бы на избирательность брачных связей? Таким образом, можно предполагать, что культурное и расовое многообразие человечества тесно взаимосвязаны, хотя связь эта никогда не может быть прямой и однозначной, и это одинаково верно и для прошлого, и для будущего.

С. А. Арутюнов